

СОЦИАЛЬНАЯ БОРЬБА В АСТРАХАНСКОЙ АРМЯНСКОЙ КОЛОНИИ (СЕРЕДИНА XVIII в.)

АЛЕКСАНДР ЮХТ (Москва)

Армянские поселения в России в социальном отношении представляли неоднородную массу. Купечество составляло лишь верхний слой армянских общин. Основная же масса населения состояла из трудящихся. Армянская колония в Астрахани — крупнейшая в России вплоть до 80-х годов XVIII в. — в этом смысле не представляла исключения. В середине XVIII в. (1747 г.) доля купечества в общей массе армянского населения Астрахани не превышала 25%. Ремесленники, наемные рабочие, дворовые и слуги, приказчики, садовники, нищие составляли около 3/4 всех жителей колонии¹.

Такой социальный состав населения, наличие резкой имущественной дифференциации в среде ее жителей, эксплуатация бедноты купечеством и зажиточными ремесленниками, стремление верхушки купечества переложить тяжесть налогового бремени и разных повинностей на плечи трудящихся слоев неизбежно должны были порождать острые противоречия и борьбу в армянской колонии.

В источниках мало отражены повседневное недовольство и глухой ропот низов. Но открытые выступления трудящихся, сопровождавшиеся обращениями в местные и верховные органы власти, зафиксированы в документах. Такого рода выступления против попыток крупного купечества использовать ратгауз — орган самоуправления и судопроизводства в армянской колонии в Астрахани, — как орудие угнетения и закабаления трудящихся слоев произошли в 50—60-е гг. XVIII в.

Созданию ратгауза предшествовала длительная и упорная борьба армянского купечества против настойчивых попыток русского купечества Астрахани в первой половине XVIII в. добиться включения жителей армянской и других иноземных колоний в посад с тем, чтобы ослабить конкуренцию и привлечь их к несению различного рода «государственных служб» и повинностей. Немаловажное значение в этой борьбе имела позиция местных властей — астраханского губернатора и возглавляемой им губернской канцелярии.

Губернатором Астрахани в 1741—1745 гг. был выдающийся русский историк и крупный государственный деятель В. Н. Татищев. Исходя из широко понимаемых интересов абсолютистского государства, он выступил против записи армян и других жителей иноземных слобод Астрахани в посад и подчинения их магистрату. В донесениях Сенату и пере-

¹ А. И. Юхт, Социальный состав населения Астраханской армянской колонии в первой половине XVIII в. (ЗУУЗ ҒУ «Сыңғырлар», 1957, № 7, стр. 60).

писке с кабинет-министром П. А. Черкасовым, через которого он фактически обращался к императрице Елизавете Петровне. Татищев подчеркивал, что такой шаг может привести к тому, что выходцы из восточных стран прекратят выезд в Россию, а поселившиеся в Астрахани и в других городах покинут ее. А это повлечет за собой отрицательные экономические и политические последствия². В. Н. Татищев прежде всего имел в виду возможность упадка русско-восточной торговли, поскольку в ней решающую роль играли армянские и индийские купцы. Разумеется, сокращение объема торговли было невыгодно ни для казны (уменьшение сбора пошлин), ни для экономики России.

Одновременно Татищев полагал, что армян и других иноземцев следует обложить ежегодным налогом. Он предлагал создать для жителей иноземных слобод ратгауз для управления и суда над ними. Правительство в основном согласилось с мнением Татищева³.

Ратгауз был создан на основании указа Сената от 17 сентября 1746 г.⁴ и начал функционировать с января следующего года. Он был выборным органом. Выборы трех членов ратгауза или судей, как их называли, происходили ежегодно. Население армянской колонии соответственно имущественному положению было разделено на три «партии» или «статьи». В ратгауз выбирался представитель от каждой статьи. Существующая система выборов предоставляла огромные преимущества купечеству.

В качестве судебного органа ратгауз разбирал вексельные претензии жителей колонии между собой, а также разрешал иски уголовного и гражданского характера. «И судьям нас судить, и по случающему делу, по вине смотря, чинить достойное наказание, и в долгах по засланным письмам, також по книгам и по словесным просьбам во взятках, исках, по правам нашим, нас рассматривать»⁵. Судьи ратгауза имели право присуждать обвиняемых к различного рода наказаниям, вплоть до смертной казни, но приговор о смертной казни приобретал силу только после его утверждения Сенатом⁶.

Какие повинности выполняли астраханские армяне? По решению губернской канцелярии от 11 мая 1748 г. они должны были ежегодно платить 1000 руб., из них 739 руб. «в помощь русскому купечеству» и 261 руб. на благоустройство города⁷. Ратгауз просил убавить налог наполовину, т. е. до 500 руб. и представил в губернскую канцелярию ведомость разверстки этой суммы среди населения колонии. Канцелярия

² Государственный архив Астраханской области (ГААО), ф. 394 (Астраханская губернская канцелярия), он. 1, д. 1004, л. 123—126; Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), ф. Госархив, разр. XI, д. 629, л. 59 об.—60.

³ Подробнее об этом см. А. И. Ют, Правовое положение астраханских армян в первой половине XVIII в. (*ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՊԱՏՄԱՆՈՒԹՅԱՆ ԳԵՂԵՐԱՆԻՔ, 1960, № 12*, стр. 51—57).

⁴ «Полное собрание законов Российской империи» (ПСЗ), т. XII, № 9311.

⁵ ГААО, ф. 394, оп. 1 доп., д. 76, л. 217 об.

⁶ Там же, д. 1633, л. 245.

⁷ ГААО, ф. 394, оп. 1, д. 1357, л. 103—104.

отклонила просьбу. В результате компромисса размер налога был снижен до 739 руб. в год, т. е. суммы, которая передавалась в магистрат⁸. Как был разверстан налог размером 739 руб.—неизвестно.

По ведомости же 1747 г. жители армянской общины были разделены на три группы: 1) «имеющие капитал» должны были платить 490 руб. 70 коп.; 2) «не имеющим капитал», но располагавшим собственностью (дворы, сады и т. д.), следовало платить 9 руб. 30 коп., наконец, 3) «питающиеся черною работою и мирским подаянием, и другими малыми рукоделаниями» освобождались от уплаты налога.

В первую группу вошли купцы, зажиточные ремесленники, временно занимавшиеся и торговлей, и часть мелких торговцев; высший размер налога в этой группе был 72 руб., низший — несколько десятков копеек. Вторая группа состояла из ремесленников, приказчиков и мелких торговцев. Последние вели торг разными товарами «малым числом», которые брали «в долг, токмо для одного своего пропитания». Размер налога в этой группе колебался от 5 до 20 коп.⁹ Эти данные свидетельствуют о существовании резкой имущественной дифференциации как между первой и второй группой, так и в пределах первой группы.

Как видим, в основу разверстки налога положен принцип имущественного положения: чем богаче житель колонии, тем большего размера налог он должен был платить. Но в том то и дело, что в жизни, на практике этот принцип грубо нарушался ратгаузом, который, действуя в интересах купечества, перекладывал тяжесть на плечи трудящихся слоев колонии, что вызывало недовольство и протест с их стороны.

Население армянской колонии, кроме этого налога, должно было также ежегодно вносить в губернскую канцелярию 600 рублей на постройку и содержание казарм, поскольку их дома освобождались от воинского постоя¹⁰.

Наконец, армяне, как и другие жители Астрахани, обязаны были поставлять подводы, лошадей, суда с гребцами для иностранных посольств и их свит, следовавших через Астрахань в Петербург и обратно. Подводная повинность, хотя и была нерегулярной, но очень тяжелой для населения повинностью, требовавшей больших затрат¹¹. Следует иметь в виду, что между Россией, с одной стороны, Ираном, Хивой и Бухарой — с другой, происходил довольно частый обмен посольствами.

Источники свидетельствуют о том, что верхушка армянского купечества оказывала решающее влияние на деятельность ратгауза, кото-

⁸ Там же, д. 1418, л. 342—344.

⁹ Там же, д. 76, л. 278.

¹⁰ Армяне просили уволить их жилища от постоя солдат, «понеже де они люди иностранные, российского обыкновення не знают», к тому же, жены их, по их обычаям, «не токмо от солдатства, но и от их, армян, имеют себе зазрение и закрыты ходят» (ЦГАДА, ф. Сенат, кн. 948, л. 15).

¹¹ В 1740 г., например, при возвращении иранского посольства жители Астрахани израсходовали на наем подвод, фуража и т. д. более 15 тыс. руб., в том числе армяне — 1410 руб.

рый фактически являлся органом защиты ее интересов. Крупное купечество использовало его как орудие для дальнейшего усиления эксплуатации и угнетения трудящихся масс армянской колонии. Судьи, всецело зависевшие от верхушки купечества, стремились переложить всю тяжесть денежных податей и других повинностей на плечи низов армянской колонии. С самого начала деятельности ратгауза они грубо нарушали установленный принцип разверстки налогов соответственно размерам капитала; вопреки указу Сената от 17 сентября 1746 г. они обложили различными поборами жителей колонии, «кормящихся своими малыми рукоделаниями, черною работою и подаяннем милостыни».

Произвол и злоупотребления судей ратгауза вызывали огромное недовольство низов слободы. В течение 50—60-х гг. XVIII в. они неоднократно подавали жалобы на действия судей в Астраханскую губернскую канцелярию и в Сенат. В сентябре 1750 г. армянские ремесленники Пестрос Аллавердыев, Григорий Мирзаханов, Апелъ Кударзинов «с товарищи» подали в губернскую канцелярию челобитную, в которой писали, что хотя их «бедных и нищих людей» наряду с другими армянами, «имеющими торги и промыслы, в расположении к платежу податей класть, також и ни в какия службы употреблять и не подлежало», но они согласны платить налог в том размере, в каком он показан в ведомости ратгауза, поданной астраханскому губернатору в 1747 г., т. е. от 5 до 20 копеек в год. Однако ратгауз собирает с них «бедных и нищих людей подать не против вышеописанного оклада, но с великою тягостию» от 70 коп. до 3 руб. Так как они такой большой налог платить не в состоянии, то поэтому «держатся завсегда в ратгаузе под караулом безвыпускно, отчего приходят во всеконечное разорение и нищету».

Кроме того, они несут караулы у рогаток, выделяют каждый год поочередно 4 десятников, а богатые армяне этих повинностей не несут. От этого, — говорится далее в челобитной, — «происходит им, всем бедным и нищим людям, не тоию великое разорение, но нанвящая гибель, понеже ежели работу свою оставить втуне, а самим исправлять десятическую службу, то... жены и дети их останутся без пропитания, отчего может нзытти из них дух». Челобитчики «многократно словесно и письменно» просили ратгауз уменьшить налог и привлечь к несению различных служб богатых армян, но судьи каждый раз отвечали: «Что де хотя дома, жен и детей продавайте, но вышписанное не отдавайте сполна, також и службы исполняйте без отрицания». Так как судьи ратгауза грозили применить в случае неуплаты податей «побой», то «некоторые убогия люди, не хотя претерпеть себе угрожаемых побой, продавали последнюю свою одежду и посуду». Челобитчики отмечали, что вследствие указанных причин не желают быть в ведомстве ратгауза и просили губернскую канцелярию отменить взимаемые с них «тягчайшие подати»¹².

Рассмотрев эту жалобу, губернская канцелярия решением от 9 октября 1750 г. обязала ратгауз представить сведения о разверстке подати

¹² ГААО, ф. 394, оп. 1, д. 1457, лл. 125—127.

среди жителей колонии, а челобитчикам «во всем рассмотрение и удовольствие учинить..., и ежели они подлинно бедные и убогие люди», то «их от окладу уволить и ни в какие службы... не употреблять». Канцелярия объявила челобитчикам, что из ведомства ратгауза «отрешить» их не может и потребовала, чтобы они ратгаузу «послушны были»¹³.

В феврале 1751 г. названные выше представители низов армянской колонии вновь обратились в губернскую канцелярию с жалобой на судей ратгауза, которые, «закрывая богатых по их капиталам и пространным торгам и промыслам, их бедных и убогих людей отягощают, понеже который из них, убогих людей, обложен был окладом в 5 коп. с тех как уже за прошедшие годы взыскали, так и ныне еще вновь требуют по 3 рубля». Просители указывали, что ратгауз собирает с них налог на содержание казарм такого же размера как и с «богатых», причем не имеющих своих дворов также заставляют платить. Аллавердыев и его товарищи отмечали, что хотя они в 1750 г. и подавали в губернскую канцелярию жалобу на действия судей ратгауза, но с тех пор ничего не изменилось, «отчего пришли они во всеконечную нищету и помирают голодом». Что же касается утверждений судей ратгауза, будто они, «бедные армяне», в состоянии платить установленные с них подати, то «оное все объявляют напрасно, злобствуя более на то, что они, бедные и убогие люди», заявили о своем горестном положении и обличают судей «в непорядочных поступках»¹⁴.

Астраханская губернская канцелярия ограничилась тем, что отослала эту жалобу в ратгауз.

В декабре 1752 г. армянский ремесленник Геворк Никитин обратился в губернскую канцелярию с жалобой на судью ратгауза Реваза Залиева. «На нас, бедных мещан, положены подати не против капитала нашего, но тягчайшие, которых никак на себе нести не можем», — писал он. Ратгауз отказался уменьшить подати, судьи не приняли прошение, поданное представителями бедных слоев населения, и арестовали их. «И мы, убогие люди, — пишет Никитин, — содержались весь день под караулом». Вечером того же дня все арестованные, кроме Никитина, были освобождены, а он, по приказу Залиева, подвергся жестокому истязанию. «И били меня, — пишет он, — много и сильно», а судья Залиев «яко злодей, схватя меня за волосы, немилостиво таскал, так что я чрез долгое время насилу опаматоватца и отдохнуть мог». «А ныне, — печально продолжает он, — мне от тех тяжких побоев приключилась великая болезнь... и не уповаю себе жива быть». По словам Никитина, судья Залиев грозил расправиться подобным же образом и с другими представителями «бедных людей»¹⁵. Никитин просил губернскую канцелярию расследовать дело и наказать Залиева. Канцелярия и на этот раз не стала разбирать жалобу, а отослала ее в ратгауз. Свое решение

¹³ Там же, л. 127 об.—128 об.

¹⁴ Там же, д. 1585, л. 106—109 об.

¹⁵ Там же, д. 116, л. 412—414.

она мотивировала тем, что срок полномочий Заллева и его коллег истек и на их место избраны другие судьи¹⁶.

Как видим, губернская канцелярия фактически не предприняла решительных мер для того, чтобы оградить низы армянской колонии от произвола судей ратгауза, действовавших в интересах верхушки купечества. Более того, жалобы представителей трудящихся слоев армянской колонии на судей ратгауза были переданы на рассмотрение в тот же ратгауз.

Ратгауз в 50-х гг. XVIII в. не обеспечивал сбора налогов с населения армянской колонии. По свидетельству губернской канцелярии, в этот период «за астраханскими армянами числилась большая недоимка в платеже налогов»¹⁷. Исходя прежде всего из фискальных целей, канцелярия неоднократно требовала от судей ратгауза сведений о том, какая сумма налога собирается ежегодно и кто именно, «по какому капиталу в какой оклад положен». Однако ратгауз всячески затягивал представление в канцелярию запрашиваемых сведений. Судьи то уверяли канцелярию, что «ведомость сочиняется», то отговаривались незнанием «российского разговора и обыкновения», то отсутствием «приказных служителей». Тем временем срок полномочий судей истекал, на их место выбирались другие, которые в свою очередь заявляли, «что они такового повеления не знают, что де оно прислано не в их бытность» и т. д.¹⁸.

Несмотря на «крепкие принуждения» и то, что судьи ратгауза время от времени по указанию астраханского губернатора содержались «под караулом», они ни в 50-х, ни в 60-х гг. XVIII в. так и не представили в губернскую канцелярию требуемых сведений. Такое отношение судей ратгауза отнюдь не было случайным. Они отлично понимали, что без «окладной ведомости» и данных о ежегодном сборе налогов губернская канцелярия не в состоянии будет проверить соответственно ли размерам капитала и имущества проведена разверстка налогов среди жителей армянской колонии и вскрыть злоупотребления судей.

В 50-х гг. XVIII в. ратгауз становится еще более послушным орудием в руках верхушки армянского купечества. В донесении Сенату от 21 декабря 1759 г. губернская канцелярия подчеркивает полную зависимость судей ратгауза от «первостатейных армян». Судьи ратгауза, сказано в донесении, имея дело с богатыми и сильными людьми, «бояся от них себе впредь возмездия, или же зная свое малосильство пред ними, рассуждая к тому временное свое в судях бытие и долг на себе, дабы по смене за то истязаны не были», опасаются решать дела по справедливости¹⁹.

Возмущение и недовольство трудящихся слоев деятельностью ратгауза в этот период вспыхнуло с новой силой. Они упорно продолжали борьбу, надеясь на поддержку со стороны местных и верховных орга-

¹⁶ Там же, л. 415.

¹⁷ ЦГАДА. ф. 248, кн. 2782, л. 403 об.

¹⁸ Там же, л. 402 об.—403.

¹⁹ Там же, л. 401 об.

нов власти. В своих прошениях (1754 и 1757 гг.), поданных в Астраханскую губернскую канцелярию, армяне «третьей статьи» по-прежнему изобличали произвол судей ратгауза, подчеркивая, что они действуют исключительно в интересах купечества. Члены ратгауза, писали они, «чинят им... немалые обиды, в окладах отягощение, в просьбах неудовольствие, наблюдая едино свое купечество», а в «решении... дел чинят немалые волокиты и продолжения». Из собранных на «мирские нужды» денег судьи только «некоторую часть» израсходовали по назначению, а большую часть «истратили для купеческих нужд первостатейных мещан»²⁰.

Убедившись на горьком опыте, что купцам удастся каждый раз проводить своих кандидатов в ратгауз, армяне третьей статьи высказались за отмену выборности членов ратгауза и назначение постоянного судьи. Выдвигая такое предложение, они полагали, что постоянный судья, утверждаемый губернской канцелярией, будет более независим в своих действиях от верхушки купечества, чем выборные члены ратгауза, являвшиеся фактически креатурами крупных купцов.

На этот раз губернская канцелярия полностью согласилась с критикой деятельности судей ратгауза. В упомянутом донесении Сенату она отмечала, что на судей ратгауза непрерывно «умножаются великие жалобы в неправом вершении дел». И хотя судьям указами канцелярии «накрепко подтверждается», чтобы они дела решали «по самой справедливости, не чиня никому никакой волокиты, показывая обиженным удовольствие», но они ведут себя по-прежнему. Канцелярия сообщала в Сенат, что челобитные мещан третьей статьи она отослала в ратгауз и потребовала от последнего «о всем том представляемом от них, мещан, ответствовать»²¹. Но ратгауз это решение губернской канцелярии не выполнил и никакого ответа не прислал.

Канцелярия поддержала просьбу мещан «третьей статьи» о том, чтобы вместо выборных судей иметь в ратгаузе назначаемого судью. Выборные судьи, отмечала канцелярия, полностью зависимы от «первостатейных мещан», вследствие этого их действия вызывают недовольство и многочисленные жалобы армян «третьей статьи». К тому же по вине выборных судей на армянах «многая доимка оказалась».

По мнению канцелярии, вместе с судьей в ратгаузе должны заседать три выборных старшины, по одному от армян каждой статьи. Старшин следует избирать на год, причем выборы проводить армянам каждой статьи раздельно. На должность судьи канцелярия рекомендовала кандидатуру астраханского армянина Сильвестра Герасимова, который в 1759 г. указом Сената был назначен «к надзору в Астрахани над всеми ремесленными людьми за их ремеслом...». Характеризуя Герасимова, канцелярия писала, что он «по российски говорить и отчасти писать» умеет и «российские права и обыкновения знает». Притом же от-

²⁰ Там же, л. 401 об.—402.

²¹ Там же, л. 400 об.

мечала канцелярия, и армянские ремесленники просят, чтобы судьей в ратгаузе был С. Герасимов, а их среди армянского населения больше, чем среди русских горожан и жителей других иноземных слобод²². В случае утверждения Сенатом ее предложения, губернская канцелярия намеревалась снабдить судью ратгауза инструкцией «каким... образом в содержании и обережении и защищении их мещан от обид ему напутче и способнее поступать»²³.

Выступая с предложением реформы ратгауза, губернская канцелярия руководствовалась главным образом стремлением обеспечить регулярное поступление налогов с армянского населения Астрахани. Вместе с тем канцелярия не могла не считаться и с растущим недовольством широких слоев населения произволом судей ратгауза. В условиях решающего влияния крупного армянского купечества на выборы судей назначение в ратгауз официального лица могло бы отчасти ограничить произвол в отношении разверстки налогов и решении всякого рода дел, подлежащих компетенции ратгауза. В этом смысле реформа ратгауза в какой-то степени отвечала интересам большей части жителей армянской колонии. По сути дела канцелярия поддержала предложение армян третьей статьи о реорганизации ратгауза, выдвинутое ими в челобитных 1754 и 1757 гг.

На донесение губернской канцелярии в Сенат от 21 декабря 1759 г. ответа не последовало.

В 60-х гг. XVIII в. борьба низов армянской колонии против крупного купечества и произвола судей ратгауза приняла еще более ожесточенный характер и достигла своего апогея. В ходе борьбы из низов выдвинулись энергичные руководители — Мадат Марутов, Геворк Никитин (известный нам по выступлениям в 50-х гг.) и Осип Григорьев. Все они были ремесленниками. По ведомости 1759 г., Никитин и Григорьев были обложены налогом в размере 50 коп. в год²⁴.

В августе 1763 г. армяне третьей статьи подали в губернскую канцелярию две челобитных, в которых жаловались на обиды «от ратгаузских судей и первостатейных мещан» и указывали, что судьи «окладные деньги истребляют в неведомые расходы». Челобитчики просили, чтобы канцелярия поручила их представителю С. Герасимову совместно с представителями армян 1-й и 2-й статей расследовать деятельность ратгаузских судей, в частности, сбор и расходование «окладных и казарменных денег» с самого начала учреждения ратгауза²⁵.

Астраханский губернатор Н. А. Бекетов поручил следствие полковнику Юнгеру, который по своему усмотрению должен был назначить в комиссию по два представителя от армян каждой статьи.

²² Там же, лл. 403 об — 404 об.

²³ Там же, л. 404 об.

²⁴ ГААО, ф. 394, оп. 1, д. 2171, лл. 4—5 об.; оп. 1 доп., д. 76, л. 164 об.

²⁵ Там же, д. 2395, л. 22 об.

В сентябре 1763 г. армяне третьей статьи вновь обратились к Бекетову с просьбой, чтобы он разрешил их представителям выехать в Москву или Петербург, где они могли бы изложить свои жалобы перед «высшей командой». Просители выражали свое недовольство тем, что избранный ими представитель С. Герасимов не вошел в состав комиссии. Губернатор отказался пропустить представителей армян третьей статьи в Петербург и «ругаясь непристойными словами грозил бить [челобитчиков] палкою»²⁶.

Несмотря на угрозы Бекетова, армяне третьей статьи решили не прекращать борьбы. В октябре 1763 г. они «учинили сбор», на котором выбрали шесть поверенных, М. Марутова, Г. Никитина, О. Григорьева, Г. Мирзаханова, С. Бариева и П. Аксендова, которым поручили добиваться удовлетворения их требований в местных и центральных органах власти. На собрании армяне третьей статьи поклялись действовать сообща и заявили, что «хотя в мелкие части разрублены» будут, но от своего слова не отступятся²⁷.

В декабре того же года Марутов, Никитин и Григорьев вновь обратились в губернскую канцелярию. От имени мещан третьей статьи они писали, что судьи ратгауза и крупные купцы, «злоствуя за учиненные на них жалобы», продолжают взимать «поборы вдвое и более» чем положено, отчего «народу притеснение происходит». Представитель от мещан третьей статьи в ратгауз не вошел, членами его избраны лица первой и второй статьи, т. е. купцы. Только «малое число» армян третьей статьи подписалось под итогами выборов, и то сделало это по принуждению «ис под неволи», опасаясь мести со стороны верхушки купечества. Представители ремесленников просили, чтобы выборы судей в ратгауз производились мещанами каждой статьи отдельно, и указывали, что армяне третьей статьи выбрали судьей в ратгауз на 1764 г. С. Герасимова.

Губернатор Астрахани Бекетов отказался принять прошение и заявил представителям мещан третьей статьи, чтобы они вопрос о выборе С. Герасимова судьей на 1764 г. решали в ратгаузе. Как и следовало ожидать, ратгауз признал выборы, проведенные мещанами третьей статьи, незаконными²⁸. По словам представителей низов, это решение судьи ратгауза приняли, так как боялись, «что в бытность Герасимова в ратгаузе судьей своевольное их и незаконное правосудие остаться можег втуне»²⁹.

М. Марутов и его товарищи, поверенные армян третьей статьи, несмотря на то, что из них никого не пустили в Петербург, сумели все же подать челобитную в Сенат³⁰. По их просьбе это сделал «армянской на-

²⁶ ЦГАДА, ф. 259, кн. 3611, л. 285 об.

²⁷ ГААО, ф. 394, оп. 1, д. 2396, л. 23 и 23 об.

²⁸ Там же, д. 2395, лл. 16—18, 23.

²⁹ Там же, л. 17 об.

³⁰ Прощение опубликовано нами: «Армянский исторический вестник», 1963, № 2, стр. 126—131.

ции, отставной капрал грузинского гусарского полка» Минас Исаев. В этом прошении от 25 января 1764 г. повторяются прежние жалобы низов армянской колонии в Астрахани на судей ратгауза и «первостатейных мешан», которые, по словам челобитчиков, властвуют над ними «так, якобы над собственными своими крестьянами»³¹. Рассказывая о своем бедственном положении, просители отмечали, что в течение многих лет они не могут добиться удовлетворения своих требований. Они указывали, что полковник Юнгер, которому губернатор поручил следствие, «в Астрахани жительство имеет немало времени и со всеми первостатейными и капиталистскими мешанами... имел и имеет компании»³². Губернатор Бекетов не допускает к следствию их представителя С. Герасимова и фактически покрывает злоупотребления судей ратгауза и первостатейных мешан, потому что имеет «с ними... всечастные компании»³³. Челобитчики просили Сенат: во-первых, послать в Астрахань представителя центральной власти на средства «виноватого» с тем, чтобы он при участии избранных ими «депутатов» завершил следствие, начатое Юнгером, во-вторых, защитить их от угроз и мести со стороны губернатора Бекетова и обязать последнего, чтобы он «наблюдал правосудие... не щадя сильных лиц»; в-третьих, разрешить армянам третьей статьи «выбирать от них судью в ратгауз самостоятельно без участия «первостатейных мешан»³⁴.

Надежды низов армянской колонии на благоприятное решение дела Сенатом не оправдались. Сенат не удовлетворил их просьб, не принял во внимание жалобы на губернатора Бекетова, отверг мотивы, на основании которых они отводили кандидатуру главы следственной комиссии Юнгера. Указом Сената от 1 июля 1764 г. было разрешено населению колонии выбрать «депутатов к следствию» по два человека от каждой статьи. Губернской канцелярии предписывалось быстрее закончить следствие³⁵.

Таким образом, окончательное решение вопроса передавалось в руки губернской канцелярии, которая в борьбе трудящихся слоев населения колонии против произвола судей ратгауза и купеческой верхушки стояла на стороне последней. Более того, губернатор Астрахани, озлобленный на поверенных армян третьей статьи, обжаловавших его действия в Сенате, только и ждал удобного момента, чтобы расправиться с ними. К тому же он, как указывалось выше, был тесно связан с крупными армянскими купцами и, надо полагать, не бескорыстно защищал их интересы. В этих условиях не трудно предугадать, каковы будут результаты следствия. Тот факт, что населению колонии было разрешено избрать своих представителей в следственную комиссию, несколько не

³¹ Там же, стр. 127.

³² Там же, стр. 129.

³³ Там же, стр. 130.

³⁴ Там же, стр. 131.

³⁵ ЦГАДА, ф. 259, кн. 3611, л. 935 об.

менял положения, так как купечество имело возможность провести на выборах угодные ему кандидатуры.

В связи с назначением Юнгера комендантом Саратова губернская канцелярия поставила во главе следственной комиссии бывшего полицмейстера Астрахани А. Бекова. Пока велось следствие, крупное армянское купечество, при поддержке губернской канцелярии, развило активную деятельность с целью расколоть ряды трудящихся слоев колонии, изолировать наиболее энергичных сторонников продолжения борьбы. С помощью угроз, насилия и подкупа купечеству удалось добиться того, что большая часть армян третьей статьи отказалась от прежних обвинений в отношении действий ратгауза, не настаивала на продолжении следствия и не поддержала кандидатуру С. Герасимова на выборах судей ратгауза.

В январе 1765 г. М. Марутов, Г. Никитин, О. Григорьев «с товарищи» подали в губернскую канцелярию челобитную, в которой протестовали против незаконных выборов судей ратгауза на 1765 г. Они указывали, что С. Герасимов не прошел на выборах «за помешательством... первостатейных мещан и за не допущением ими из нашей третьей статьи многих мещан к желаемой подписке, не коих и действительно через разные вымыслы и угрожения, а иных и самим принуждением, они, первостатейные мещане, отвратили». Челобитчики просили, чтобы «подписку о С. Герасимове учинить в губернской канцелярии, где бы точно могли открыты первостатейных мещан проски в недопущении с нашей стороны к подпискам...». Под челобитной значится 31 подпись мещан третьей статьи. Губернская канцелярия не приняла прошение и отказалась выдать паспорта Марутову, Никитину и Григорьеву на проезд в Москву или Петербург³⁶.

В начале 1766 г. комиссия во главе с А. Бековым закончила так называемое «следствие». А. Беков сообщил в губернскую канцелярию, что из приходных и расходных ведомостей ратгауза за 1747—1764 гг. видно, что «никаких излишних поборов противу других армян» с мещан третьей статьи не собиралось. Более того, за ними значится недоимка. Он отмечал, что за судьями ратгауза числится 2112 руб. 79 коп. и предлагал взыскать с них эту сумму. Что же касается жалоб на произвол и несправедливое решение дел ратгаузом, то эти жалобы якобы являются необоснованными³⁷.

Губернская канцелярия на основании итогов «следствия» приговорила жестоко наказать участников выступления. М. Марутов, Г. Никитин, О. Григорьев, Г. Мирзаханов, С. Бариев и П. Аксендов как зачинщики и руководители были подвергнуты публичному наказанию кнутом, а 18 других активных участников выступления — такому же наказанию плетями³⁸. Сенат утвердил решение губернской канцелярии³⁹.

³⁶ ГААО, ф. 394, оп. 1, д. 2395, лл. 68—69.

³⁷ ЦГАДА, ф. 259, кн. 3611, лл. 1003 и 1003 об.

³⁸ Там же, л. 1007.

³⁹ Там же, л. 1008.

Приведенные документы свидетельствуют о борьбе низов армянской колонии в Астрахани против засилья верхушки купечества в ратгаузе, несправедливой разверстки налогов, произвола и беззакония судей ратгауза. Эта борьба является отражением социальных противоречий, существовавших в армянской колонии, в основе которых лежало социальное неравенство, эксплуатация купечеством и зажиточной верхушкой ремесленников мелких производителей и рабочих людей.

Борьба трудящихся слоев армянского населения не вышла за рамки легальности и ограничилась подачей прошений в местные и центральные органы власти. Надежды низов на поддержку со стороны царского правительства потерпели полный крах. Иначе и быть не могло. Бюрократический аппарат феодально-крепостнического государства стоял на страже интересов господствующего класса — дворянства, а также купечества, оказывая им помощь в эксплуатации крестьян и городских низов и в подавлении их выступлений.

ՍՈՑԻԱԼԱԿԱՆ ՊԱՏՔԱՐԸ ԱՍՏՐԱԽԱՆԻ ՀԱՅԿԱԿԱՆ ԳԱՂՈՒԹՈՒՄ
(XVIII դ. կես)

ԱԼԵՔՍԱՆԴՐ ՅՈՒԽՏ (Մոսկվա)

Ա մ փ ո փ ո լ մ

Աստրախանի մարզային պետական արխիվում պահպանվել են հարուստ նյութեր, որոնցում արտացոլված է տեղի հայկական գաղութի աշխատավոր մասսաների՝ «երրորդ կարգի» մարդկանց, մղած սոցիալական պայքարը XVIII դ. կեսին: Փաստաթղթերը խոսում են տեղական ինքնավարական օրգանում՝ ռատհաուզում նստած վաճառականական վերնախավի ներկայացուցիչ գաղտավորների հակաաշխատավորական գործընթացի, հարկերի անարդարացի բաշխման, կամայականության և անօրինականության դեմ ստորին խավերի կողմից նույն դարի 40—60-ական թվականներին մղած համառ ու երկարատև պայքարի մասին: Գաղութի սոցիալական հակասությունների դրսևորումը շանդիսացած այդ պայքարի հիմքում ընկած էր ունեցվածքային անհավասարությունը, վաճառականության և արհեստավորների հարուստ վերնախավի կողմից մանր արտադրողների և բանվոր մարդկանց շահագործումը: